Чтобы постичь суть веры, в ближайшее воскресенье Ли Сычэнь отправился вместе с Мишель в церковь. Хотя они пришли заранее, у входа уже собралось множество людей. Прихожане тянулись верницами: кто-то пришел с друзьями, кто-то — всей семьей, от мала до велика. Удивительно, но в толпе царила почтительная тишина; даже если кто и переговаривался, то лишь вполголоса.

На лицах людей читалось разное: радость, печаль, смиренная безысходность. Но каким бы ни было их состояние, в глазах каждого, даже самого отчаявшегося, теплился огонек надежды. Сложив ладони, они взирали на огромное распятие под самым сводом. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь витражи, ложился на их лица, окружая каждого едва уловимым священным сиянием.

— Мама, это и есть молитва? — шепотом спросил Сычэнь.

Еще дома он прилежно изучал религиозную литературу, больше всего внимания уделив христианству. Он узнал о Библии, о Десяти смертных грехах, о покаянии и молении. Интернет пестрел историями о том, как люди обретали покой в вере, и как те, кто был на грани гибели, перерождались после искренней молитвы.

— Да, это молитва, — негромко ответила Мишель. — Но прежде всего это акт предания своего сердца Богу. Для этих людей Он — высшая истина, единственная опора для души.

Она старалась подбирать слова осторожно, без фанатизма, хотя в глубине души тоже почитала Всевышнего. Просто по ряду причин она всё никак не могла решиться вверить себя вере окончательно.

— И Господь обязательно придет на помощь, если Его попросить? — продолжал допытываться мальчик.

Мишель не успела ответить — вмешался кто-то, сидевший позади них:

— Да. Стоит лишь воззвать к Нему, и Он спасет тебя. Рано или поздно.

Сычэнь обернулся и, узнав заговорившего, радостно удивился:

— Дедушка, и вы здесь!

Вспомнив о важном, он поспешно выудил из кармана вещицу и протянул старику.

— Вот, это вы дали мне в тот раз. Я совсем забыл вернуть.

На ладони мальчика лежал тот самый крестик. Старик посмотрел на него, и лицо его вдруг

стало суровым и торжественным.

— Глупый малец. Это дар Господа, и не мне его забирать, — отрезал он. — Раз Господь избрал тебя, значит, отныне это твое, и никому ты не должен отдавать эту вещь. А теперь — тише. Не место здесь для пустых разговоров.

Сычэнь отвернулся, в замешательстве глядя на распятие в своей руке. Мишель тепло улыбнулась старику и накрыла кулачок сына своей ладонью.

— Карлос, раз он оказался у тебя, оставь его себе. Видимо, у тебя и впрямь есть связь с Небесами. Храни его, хорошо?

— Хорошо, мама, — кивнул Сычэнь, пряча крестик обратно в карман, и принялся во все глаза наблюдать за теми, кто подходил к алтарю.

***

— Святой отец, мой сын тяжело болен… Что мне делать? Я не хочу, чтобы он умирал! — женщина средних лет рухнула на колени перед человеком в черной сутане.

Она рыдала навзрыд, и аура беспросветного отчаяния, казалось, окутала её плотным коконом.

— Дочь моя, пред ликом Господа все равны, — священник, мужчина лет пятидесяти с кротким, исполненным любви лицом, осторожно поднял женщину с колен. — Рождение, старость, болезни и смерть — удел каждого человека. Это испытания, ниспосланные свыше. Болезнь вашего сына — тоже испытание. Выживет он или нет — на всё воля Божья. Сейчас вам нужно лишь одно: помочь сыну прожить отведенное время с благоговением в сердце. И верьте: придет день, когда Господь явит Свою милость.

— Отец мой, но что именно я должна делать? — в глазах женщины всё еще стояли слезы, но парализующий страх отступил, уступив место робкой надежде.

— Ждать и молиться. Испытания даются за грехи, а значит, вам нужно просить у Бога прощения и искупления.

— Я поняла… Спасибо вам, святой отец.

Женщина низко поклонилась и, пятясь, отошла.

В тот день Сычэнь услышал множество разных историй. Одни каялись в тяжких грехах, надеясь облегчить душу, другие, как та женщина, молили о здравии близких или о собственном исцелении. Удивительно, но после разговора со священником каждому становилось легче —

это было видно по их лицам. Были и такие, кто под влиянием момента решал немедленно идти в полицию и сдаться, признаваясь не только в духовных прегрешениях, но и в нарушении закона.

И никто в толпе не выказал ни гнева, ни презрения к таким грешникам. Напротив, люди смотрели на них с состраданием и прощением. Когда те проходили мимо, им вслед летел тихий шепот:

— Да простит тебя Господь. Аминь.

Наблюдая за этим, Сычэнь и Мишель чувствовали, как к горлу подкатывает комок. Возможно, это и было самое чистое и искреннее проявление человеческой доброты.

Когда служба закончилась и они вышли на улицу, Сычэнь глубоко вздохнул. Его не покидало ощущение странной легкости. Пусть он еще не стал верующим, но в его душе поселилось глубокое уважение к религии.

И тут их путь преградил человек. Это был пьяница — нечесаный, заросший щетиной, в грязных лохмотьях.

— Ха-ха! Милость Господня? Чушь собачья! — внезапно выкрикнул он, поворачиваясь к дверям храма. — Я верил тебе! С самого рождения верил! И что ты сделал для меня?! Оставил ни с чем, погубил мою семью! Вся твоя защита, все твои дары — пустой звук! Я больше не верю тебе! Слышишь? Никогда больше не поверю!

Мишель, нахмурившись, потянула Сычэня в сторону. Им обоим, еще находившимся под впечатлением от увиденного в церкви, было неприятно слушать эти проклятия.

— Брезгуете мной?! — пьяница внезапно ткнул пальцем в сторону матери и сына. — Да вы не имеете права на меня коситься! Знаете, кем я был? Благородным человеком, дворянином! У меня был дом, достаток, мы всей семьей молились вашему чертову Богу! А в итоге? В итоге мои близкие заживо сгорели в огне! Я видел их обугленные трупы! А жена? Она была беременна, она выжила в том пожаре… Я думал, это чудо, я каждый день ползал на коленях в этой церкви, вымаливая искупление. И что же?! — он закрыл лицо руками и зашелся в рыданиях. — Мою жену схватили и насиловали, пока она не испустила дух! И ребенка в её чреве убили вместе с ней! В чем мы провинились? За что?! Мы всегда помогали бедным, жили по совести… Где же была справедливость твоего Бога, когда нас уничтожали?!

Мужчина рухнул на землю, обхватив голову руками и сотрясаясь от плача. Его история была ужасающей, но реакция прохожих — почти сплошь ревностных христиан — оказалась неожиданной.

— Верно, совершил какое-то злодейство втайне, вот Господь и покарал его, лишив всего, — зашептались в толпе.

— Точно-точно. Бог справедлив, просто так кару не шлет. Сам виноват.

Люди тыкали в него пальцами, осуждая. Для них непогрешимость Творца была важнее страданий одного сломленного человека. Они не желали ставить под сомнение свою веру ради чужого горя.

— Сын мой, — священник, вышедший к людям, протиснулся сквозь толпу и присел перед пьяницей. Несмотря на недавние богохульства, его голос оставался кротким. — Господь ниспослал знамение: только вера дает защиту. Твои родные верили, а значит, они под Его крылом. Смерть — это не всегда кара. Это высшее испытание. Пройди его достойно, и ты заслужишь право встать по правую руку от Него.

— Святой отец правду говорит!

— И то верно! Вставайте, сударь, вернитесь в лоно церкви, и обретете счастье.

Толпа согласно загудела. Но человек на земле вдруг вскинул голову.

— Встать рядом с Богом? Да не нужно мне это! — прохрипел он. — Если вы такие святые, верните мне мою семью! Я плевать хотел на Божье одобрение, верните мне моих родных, если можете!

Он вскочил и в ярости толкнул священника. Тот, не ожидая нападения, повалился навзничь. Толпа, до того спокойная, мгновенно окрысилась, осыпая пьяницу градом обвинений.

— Карлос, пойдем отсюда, — тихо сказала Мишель. Она видела в жизни немало подобных сцен и знала: вера — вещь иррациональная. Никто не знает наверняка, есть ли Бог, но для тех, кто верит, Он — абсолют.

— Мама, — Сычэнь крепко сжал её руку. — Давай подождем немного, пожалуйста.

Мишель не поняла, что задумал сын, но, увидев в его глазах мольбу, кивнула:

— Хорошо. Только будь осторожен.

Спустя какое-то время толпа, вдоволь накричавшись на несчастного, стала расходиться. Смеркалось. У входа в церковь остались лишь случайные прохожие, которые просто игнорировали съежившегося на камнях мужчину.

— Мама, ему очень больно, — прошептал Сычэнь.

Он понимал: в этом мире страшнее всего терять то, что имел. Тот, кто никогда не знал тепла, не так страдает от холода, как тот, кто лишился очага. Сычэнь тоже потерял всё, но он почти не помнил того, «прошлого» счастья, и потому этот пьяница казался ему куда несчастнее, чем он сам.

— Карлос, в мире много горя. Ты не сможешь сопереживать каждому.

Мишель знала жизнь куда лучше сына, но он лишь упрямо качнул головой:

— Знаю. Но я хочу подойти к нему. Можно?

Мишель замерла, вглядываясь в лицо мальчика, и, коснувшись его волос, тихо ответила:

— Иди. Но помни об осторожности.

— Я быстро.

http://bllate.org/book/17536/1706339